

текст

Виктория Астраханцева

Фото из личного архива.
 Фото из книг издательства
 САР: Орлов Г.М., Орлова-
 Купецко И.Т.,
 Ополовников А.В.

Дороги, которые мы выбираем

Год 1974, сентябрь. Самолёт приземлился, когда наступили сумерки. Аэропорт – двухэтажное ещё новое типовое здание, как, впрочем, все дома и сооружения того периода. Мы с мужем и 4-х летней Инной погрузились в машину (остановить любую и проехать порой бесплатно в то время было нормой) и помчались по довольно узкой двухполосной дороге в интригующий, прославленный людьми и песнями Братск.

Извивающийся по холмам в ночи серпантин дороги, окружённой лесом и подсвеченной только пунктиром фар, впечатлил сразу и надолго. Это сейчас Братск может гордиться чудесной многополосной федеральной трассой «Вилюй», по которой время в пути сократилось более чем вдвое. Неожиданным для нас стало и то, что вся местность была не просто холмистой, а имела ярко выраженный рельеф.

Чуть больше, чем через час пути, перед глазами вдруг открылась ошеломляющая картина – многочисленные огни создали иллюзию большого города в ночи. Мы подъехали к гостинице «Тайга». Представшая картина напрочь перевернула все наши предположения. Морально мы готовились к худшему, ведь ехали в таёжный необжитый край, где деревянные бараки и, разве что только не стоят палатки. А здесь всё так цивилизно!? Иностранцы разного статуса и «калибра» уверенно сновали по вестибюлю – улыбчивые, игривые, уверенные в себе люди, которые, предполагаю, тоже были удивлены неожиданно предоставленным комфортом.

Утро несколько рассеяло наши восторги. Вокруг 9-ти этажной протяжённой пластины гостиницы стояли панельные типовые 5-ти этажные дома. И, всё ж, это было сюрпризом. Молодой настоящий город, в котором

Перспектива в прошлое

Откликаясь на просьбу редактора журнала ПБ Елены Ивановны и для полноты картины 70-х годов, решаюсь на публикацию отдельных эпизодов из личного дневника «Предназначается помнить». Посвящается моим архитектрисам Инне и Алисе.

А.В.

все строения пусть типовые, зато ещё новые. Панорама из окна! А, когда я увидела, что в магазинах с длинными полупустыми витринами продаются яблоки, я сказала, что жить здесь точно буду! Там, припоминаю, были сгущёнка и горошек, рыбные консервы в томатном соусе, селедка и кое-что ещё.

Первые годы пребывания в Братске были наполнены впечатлениями от многочисленных знакомств, встреч с удивительными незаурядными людьми. Спустя годы о любом из них можно было писать книжки – про архитекторов, инженеров, художников, фотографов, артистов, съехавшихся со всех концов огромной страны и несших культуру своих мест в Сибирь. Вспоминая себя, думаю, что в основном в эти края тянуло молодых неравнодушных, готовых на эксперимент людей и ещё приглашённых на работу, опытных, очень нужных специалистов разных направлений. Мы становились частью знаковых процессов, происходивших в стране.

Встречались интересные личности и из бывших сосланных в эти края, так называемых «политических». Ничего двусмысленного мы за ними не наблюдали, да и не стремились к этому. С некоторыми мы понастоящему дружили. Например, с Уникаускасом Олегом Ивановичем (Альфонсас Ионо) – известным в городе фотографом, у которого иногда спонтанно собиралась интереснейшая публика. О.И. привил мне любовь к чёрно-белой фотографии (как и мой папа, он умел и любил фотографировать, научился у своей тётки, моей бабушки Тигрануи – известной ереванской художницы.) Помню, как снимали с ним здание горкома. Выжидали подходящий день, рассвет, солнце, искали тучку. Я выбирала ракурс, а он делал кадр. Иногда мы это делали почти с земли. Некоторые до сих пор висят в моей мастерской.

Наш приезд сюда был в значительной степени спровоцирован рассказами об этих местах, условиях работы и жизни семьи Заславских. Ольга Артуровна – давнишняя знакомая моей мамы (встретились они в Москве в командировке, жили вместе в гостинице и почти десяток лет потом переписывались) и остальные

члены её семьи были проектировщиками известного филиала московского института Гидропроект. Это они были Первостроителями ГЭС и города! Бывая в гостях, мы заслушивались историями, сопровождавшими всю легендарную стройку. О Наймушине, Гиндине, Князеве, о космонавтах, о Ф. Кастро, о членах правительства наших и разных стран, о Пахмутовой и Добронравове, о Кобзоне... Спустя годы, позже нам самим уже нашлось, кого и о чём вспомнить.

Вот так мы приехали (после ещё и атаки письмами директора – Ковалика Г.И.) на работу в филиале ИГП, с приглашением меня на ту же должность – руководителем группы архитекторов, Лео – ГИПом и начальником АПМ. И началось знакомство с коллективом, с руководством города и организаций, подрядчиками, заказчиками, поставщиками... Гипрогор, ИГП, ГОССТРОЙ СССР, ВАО Интурист, Росмонументискусств РФ, ЦК КПСС Томскгражданпроект. Это лишь малый перечень всех с кем пришлось работать.

Активная, насыщенная жизнь, когда открытия случались почти каждый день.

Москвичи-«передвижники»

Первая встреча с ними состоялась на каком-то Совете по застройке центра. Я, как человек новый и независимый, ещё не попавшая под обаяние маститых коллег, высказывала своё мнение без лишних реверансов. В ответ услышала резкие аргументы, на которые тоже огрызнулась. Было не очень приятно (мне), но, как показало время, справедливо. Почему-то они пригласили именно нас с Лео вечером в гостиницу для общения.

Случалось, при знакомстве наблюдала «немой вопрос» в глазах москвичей, мол, жили в Караганде (когда-то ссылали в те края неугодных), а сейчас живут в Сибири?... Сия чаша, насколько я знаю, моих родителей к счастью миновала, если, конечно, мы всё знаем... Смешно или грустно?

Нет, никаких обид и деловых разборок не было, было просто знакомство. Они абсолютно запросто

^ Джекказган ПДП центра.
Проектирование:
институт Горсельпроект,
1973 г.
Рук. С.И. Мордвинцев

^ А.В. Ополовников в
Ангарской деревне

могли с чем-то согласиться и изменить своё решение, в отличие от нас, молодых максималистов, одержимых мечтой о самостоятельном проекте, о создании какого-нибудь уникального сооружения и т.д. Никакого пафоса с их стороны или надменности, они – люди разного возраста и статуса, были, как мы молоды душой. Как была права Раневская: «молодость хороша в любом возрасте».

Анекдоты, юмор, хохот, традиционное застолье с водочкой, с московским сервелатиком. Мы пришли тоже не с пустыми руками, благо, напитков в Братске всякого калибра было более чем.

Случалось, от некоторых из них слышали любопытные рассказы о том, как начинался Братск, как ходили по дну будущего моря, какой замышлялась планировка города, по какому принципу трассировалась сеть улиц. Почему так расположена селитьба, и как бесполезно было пытаться изменить планировку из-за размещённой вопреки здравому смыслу, промышленности по направлению ветра.

Было интересно слушать, как непросто они «лавиrowали по водоразделам», с которыми невозможно было не считаться и, что именно эти самые водоразделы диктовали структуру планировки, которая относительно сторон света была отнюдь не самой лучшей. Про лес, ягоды, рыбалку, про мошку. Расставаться с ними уже не хотелось.

Директором был тогда Виктор Сергеевич Высотский, мне казался удивительно демократичным человеком. В компании сидел, абсолютно не выделяясь от остальных. Как бы случайно бросал мысль о проекте, все ненавязчиво реагировали и без какого либо ажиотажа принимали решение.

Я училась у москвичей, как они, не ломая копыя, умели найти компромисс. Спокойно могли принять к сведению предложение от нетитулованного смертного. Сначала казалось, что пахнет беспринципностью, но с годами поняла – мастерство, мудрость. Есть проблема – её надо решить, а не загонять в угол.

Не знаю, многим ли в жизни, как мне, выпало такое

искреннее общение с коллегами, в последующем выросшее в настоящую многолетнюю дружбу. Так было с ними, с гипрогоровцами – мы привыкли их называть именно так, потому, что это не один-два человека, а группа специалистов высокого уровня. Они создавали новый город, который детально себе представляли, заранее его любили, да и в целом – весь наш сибирский край, сибиряков. Не упускали возможности приехать сюда хоть на недельку. Конечно, и в их адрес была критика, мол, питерцы работали лучше. Возможно, но объективности ради не забудем, что камерность застройки городов была потеряна и по причине использования совсем других масштабов жилых образований, дворовых пространств и самих домов. Директивы по уплотнению застройки спускались сверху, а нам приходилось проектировать на этом противоречии. А ведь работали москвичи над генпланами многих городов на всей территории СССР, но к нам отношение было особым. Мы сами всем этим очень дорожили.

Помню наши неповторимые встречи, когда сразу с утреннего самолёта, вся компания ехала не в гостиницу, а ко мне домой к застолью. Ненавязчиво, с налёту решались проблемы по генплану, здесь было место и песням под гитару, которой мастерски владел наш всеми уважаемый Вилен Петрович Постнов. Он руководил крупнейшей мастерской, потом Гипрогором, был академиком РААСН и имел множество почётных титулов.

Тяжелее всех приходилось мне – надо бежать на работу, а здесь так здорово! На следующее утро они все в форме, В.П. безупречно защищал генплан, а весь коллектив за его спиной был уверен в результате и абсолютно невозмутим.

Наша дружба со многими длится по сей день. Но, вот общение, в связи с перестроечными преобразованиями стало эпизодическим. Тяжело переживаем трагическую потерю, когда весной 2012 г ушёл из жизни, бесконечно талантливый, умный, необыкновенно человечный дорогой наш Вилен Петрович.

Г. Орлов

А город живёт!

А было это приблизительно так.

В мастерскую неожиданно почти влетел наш директор, за ним вдогонку главный инженер и ещё кто-то. Лицо директора было лицом победителя. Окинув всех нас интригующим взглядом, выдержав почти мхатовскую паузу, он – человек, заслуживающий отдельного описания, с пафосом, многозначительно произнёс: «К нам едет Орлов со свитой!». Теперь уже паузу держали мы.

Конечно, каждый из нас – архитекторов прекрасно знал, кто такой Г.М. Орлов. Первый секретарь Правления СА СССР. Но представить себе, что он может появиться здесь, у нас на этаже?! В нашем далёком сибирском, пусть даже очень перспективном и прославленном Великими стройками Братске! Это бомбочка! Да ещё в сопровождении огромной свиты своих высокопоставленных заместителей, которые все как один были личностями известными в архитектурной среде страны: президенты СА республик. В то время вообще с пиететом относились к чинам и регалиям.

Это надо было видеть! Из окон нашего четвертого этажа, да и не только, наверное, сотня глаз наблюдала картину, как милиция расчищает дорогу эскорту из нескольких чёрных волг. Вот, выходят импозантные седовласые мужчины, практически все в чёрных костюмах и галстуках. Их улыбающиеся лица отражали, как казалось, осознание радости бытия, предвкушение предстоящего праздника. Кстати, как я себе уяснила несколькими годами позже, уже-таки, действительно, завершались такие командировки добротными фуршетам, со щедрыми местными и иными деликатесами, обильно сдобренными фирменными напитками, в числе которых (на нашей, к примеру, территории) все-неприменно водочка и омулёк.

В это время мы, особо тщательно отобранные для встречи, ведущие специалисты филиала, сдували последние ненужные детали с б м² пенопластового макета центральной части города и в ожидании имениных гостей явно волновались. Признаюсь, особенно в этом преуспела я, ведь именно мой вариант решения центра с двумя микрорайонами был выложен на макете.

Чуть-чуть о личном

Лео, начальник архитектурной мастерской, а главное – мой муж и абсолютный единомышленник, стоял рядом и демонстрировал полное равнодушие к происходящему. Впрочем, ему это просто было свойственно. Иногда я вглядывалась в его интеллигентное с тонкими чертами лицо и размышляла, откуда это в нём? Достоинство не внешнее, а глубокое, шедшее изнутри. А ещё, что важно – фантастическое самообладание, то самое, которого напрочь не хватало мне. Оно было не наносным и не в генах, он это взрастил в себе. Считаю, такое возможно только от ума. На всё взирал, как бы чуть сверху, мол, всё суета - сует, не стоит мельтешить. А что там у него внутри? Иногда мне удавалось туда заглянуть, но даже если я чего-то не улавливала, всё же, безоговорочно верила в его правоту. Думаю, у нас это было взаимно. Но это к слову.

Жора

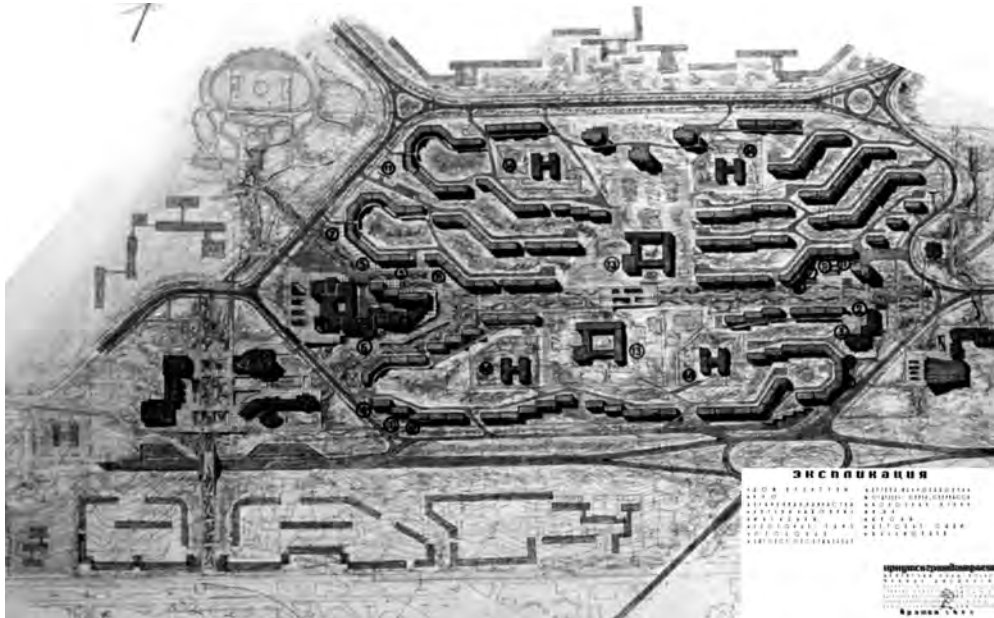
Итак, распахнулась дверь, и первым вошёл явно лидер – большой, ухоженный, чтоб не сказать холёный, приятный, с добродушной улыбкой на лице человек, за

^ Орлов Г.М.

^ Караганда, проект мкр. № 8, проектирование 1972, строительство 1974, рук. Мордвинцев С.И.

в Г.М.Орлов и И.Т.Орлова-Купецио. г.Запорожье, Днепрогострой. Ноябрь 1948 г.

^ ПДП жилого района в
Усть-Куте.
ГАП, автор
В. Астраханцева

^ Усть-Кут
В. Астраханцева, В. Баум

ним остальные. Окинув взглядом собравшихся, поочерёдно пожимая руку каждому, обошёл всех. Подойдя ко мне, переспросил фамилию и торжественно громко, обращаясь, как-бы ко всем, не отпуская моей руки, сообщил: «Вы уже знаете, что мы Вас приняли в Союз архитекторов СССР? Поздравляю, мы рассмотрели Ваши документы и работы». Все зааплодировали, а я, в состоянии полного счастья и растерянности, прикрыв ладонями лицо, совершенно по-идиотски хихикнула и поблагодарила его. «Мы все Вас поздравляем!», – повторил он, выделяя как-то особо слово «поздравляем!» и продолжил обход, весь из себя значительный и вальяжный.

Подошёл к молодой архитекторисе Ольге, стоявшей вместе с мужем Сергеем. Это была эффектная чета Рябовых, пара довольно продвинутых москвичей, приехавшая в Сибирь за регалиями. Опережая мэтра, она чуть кокетливо произнесла: «Оля», он ей: «Жора». Все расхохотались. Напряжения как не бывало.

Г.М. наконец подсел к краю макета, я коротко прокомментировала представленный вариант застройки. Наступила пауза, молчание. Моё сердце стучало так, что казалось, слышно было всем. Спустя несколько минут, он произнёс слова, которые запомнила навсегда, хотя в них не было ничего особенного: «Ну что, сработано грамотно, поздравляю».

Душа торжествовала, хотя в моём мозгу пролетели варианты. Интересно, о чём он на самом деле мог сказать, если бы не был столь интеллигентен: «в целом терпимо» или «надо же, провинциалка, а соображает». Мне пришёлся бы по душе такой вариант, например: «Всё же это талантливо»...

А интрига-то...

А интрига заключалась в следующем. После глубокого анализа, заданного как основа для конкурса проекта детальной планировки района, я, уже вкусившая сполна «прелесть» специфических выбросов Братских гигантов, несколько иначе, чем предшественники – архитекторы московского института Гипрогор (генпроектировщик Братска), оценивала эти находившиеся

в непосредственной близости от зоны отчуждения БЛПКА (лесопромышленного комплекса) площадки под застройку. Выбросы «тянулись» к Энергетику именно вдоль береговой зоны с воздействием в зависимости от направления ветра.

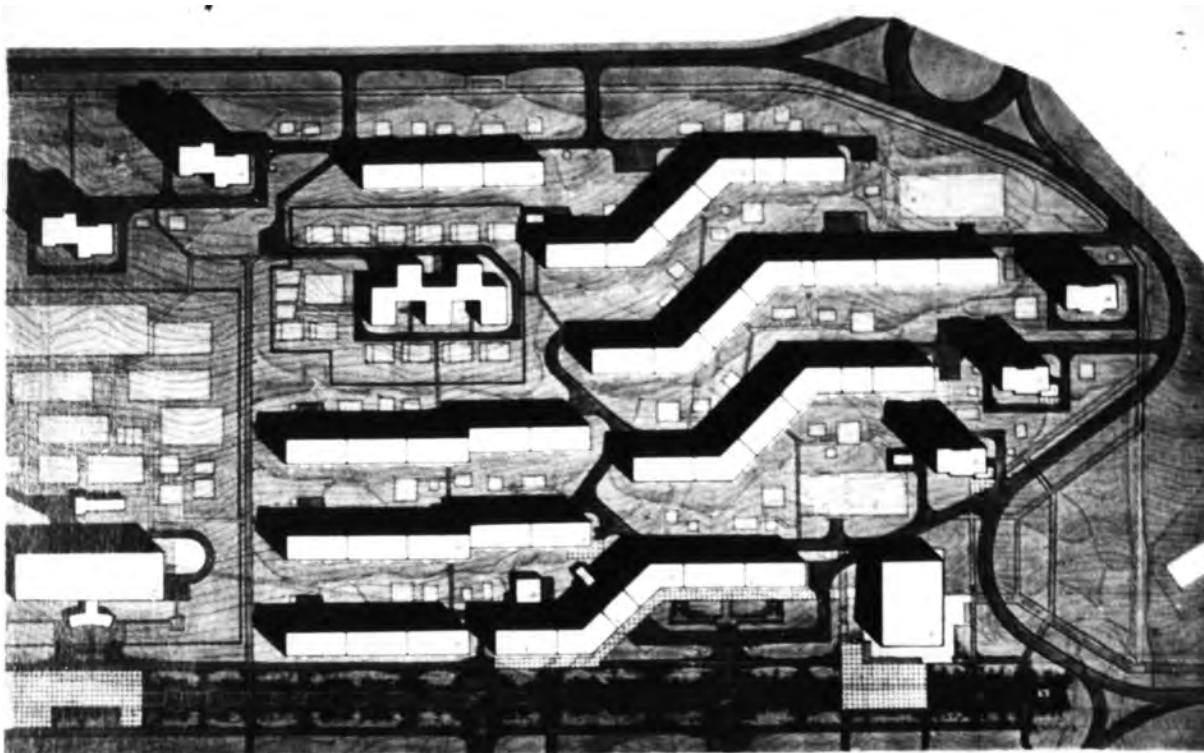
Рассудила всё же: в парк можно прийти в благоприятную погоду, а селить людей для постоянного проживания вряд ли правильно. Потому проектом (его начало было в 1976-78 гг.) предложила отказаться от одного микрорайона №19 в пользу увеличения парка с набережной вдоль водохранилища и одновременно уменьшить плотность населения именно здесь, на не вполне чистой территории. Собственно, это и стало главной причиной поиска несколько иного планировочного решения.

Площадь Тысячелетий

Хотя! Как я завидовала москвичам! В 19-мкр планировались фантастические Дома-комплексы невиданной этажности или, к примеру, площадь Тысячелетий! Одни только названия говорили о полёте идей и вере в прекрасное будущее новых городов. Ведь в то время архитекторы – даже вполне зрелые специалисты, а не юные романтики – не могли себе сполна представить такого, как сейчас, размаха строительства вредных производств и силы негативного, я бы сказала, поражающего воздействия выбросов на жителей. От проектировщиков зачастую скрывали истинные данные о вредности производств, их перспективном развитии и мощностях. Сама столкнулась с этим позже при разработке генплана г. Бирюсинска.

А этажность! Ведь при разработке генплана речь шла о 25-летней перспективе и более, в которую все мы довольно искренне верили, а не о том, что оказалось на самом деле, когда за три – пять лет строился микрорайон из только лишь типовых домов. Сроки превалировали почти над всем. А город рос быстро, как никакой другой.

Но в стране к этому времени укоренился новый блок-секционный метод застройки с целью значительного её уплотнения, и как следствие – увеличения мас-

< 10 Усть-Кут, жилой комплекс лесных причалов Росколхозстрой-объединения автор, ГАП - В.Астраханцева

штаба домов, дворовых пространств, изменения жилых структур, что и происходило в то время. Вместо уютной квартальной застройки в тираже были уже другие ценности. При этом архитектору необходимо было обеспечить качество и неповторимость архитектуры современного города.

Планировочная (ре-?) организация

В этой ситуации, принципиально важным было не ошибиться с зонированием территории, коль скоро замахнулась на своё. Поэтому, так важна была оценка гося.

Два микрорайона вместо трех с организацией парка и набережной. К ним ведут главные городские пешеходные оси, одна в виде бульвара (с учётом зоны действия луча от существующей принимающей космической станции «Орбита») и новая – на монумент Славы (авторы Ганиев, Зимин) – редкое сооружение для Братска. Посчитала правильным включить эту видовую ось на него от высоких отметок центра жилого района.

Дворовые пространства скомпонованы домами переменной этажности, понижающейся в соответствии с падением рельефа к периферийным территориям микрорайонов. Граничат они с зелёными скверами: с юга – спортивным с комплексом зданий ДОСААФ, кортами для большого тенниса и другими спортивными площадками, с севера – мемориальным с главным городским монументом Славы.

Все четыре школьные площадки зеленью дворов «вливаются» в оба сквера, которые в свою очередь, примыкают к главному городскому парку. Этот зелёный массив окаймляет всю территорию центрального жилого района и вдоль «моря» соединяется с лесопарком.

Грани трансформации

А вот сама жилая часть застройки!

В порыве футуристических фантазий мне грезилось: по обе стороны от оси бульвара вдоль водораздела, на самых высоких отметках рельефа (для обеспечения максимальной плотности) стоят два гигантской длины пластичных дома-балки на ногах, под ними – сохра-

нившийся лес. Они, как две реки, растекаются в разные стороны, огибая контуры микрорайонов и одновременно защищают их от ветра. В их «объятиях» дворовые образования, в виде домов-полуколец, плавающих в массивах зелени.

Высотки как восклицательные знаки фиксируют адреса каждого из них. И такое равновесие между этими «вписанными» в природу домами-скульптурами и человеком, такая органика, что отдельно друг без друга они существовать не смогут!

Как всегда, главную роль, при этом, отводилась природному окружению – в ту пору ещё почти девственному.

Реальности-архитектура

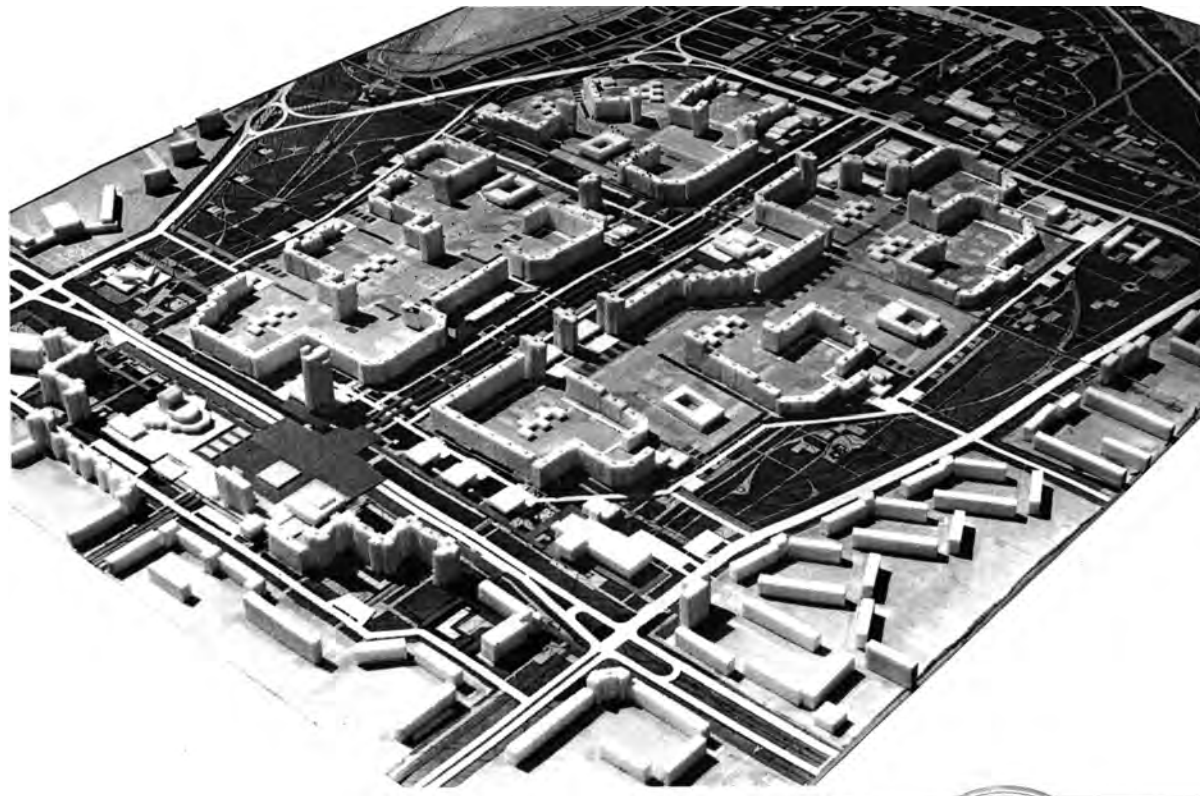
По большому счёту идеология планировочной структуры реализовалась. По контуру микрорайонов девятиэтажный гигантской длины жилой дом, правда, расчлённый на фрагменты (и увы, без ног). В качестве акцентов – группы четырнадцатиэтажных индивидуальных жилых домов и курдонер – планировочный «карман» для здания районного торгового центра. Как мечталось, островно расположены дворы, закрытые от ветра полукольцами поворотных блок-секций.

Внутренние пространства полностью принадлежат жителям и имеют тупиковые заезды, не допускающие сквозных транзитов через микрорайоны. Особенно вольготно должно быть детям, ведь в каждом из довольно масштабных дворовых пространств предусмотрен свой детсад и по две крупных школы на микрорайон.

Каждый из нас понимал, что столичные согласующие и инспектирующие инстанции внесут коррективы по упрощению проекта, но не до такой же степени...

Застройка изначально была предусмотрена разнообразными по этажности жилыми домами – индивидуальными шестнадцатиэтажными в качестве акцентов в периметре микрорайона. Полукольца дворов каскадом этажности спускаются по рельефу от четырнадцати, девяти и семи этажей, до пятиэтажных жилых домов. Одно- и двухэтажные общественные встроено-при-

> Центральная часть
Братска с 17, 18 мкр.
(макет)
Проектирование 1976 г.
ГАП, автор, победитель
конкурса В.Астраханцева

строенные объекты на завершении групп. Назовём это вращением застройки в окружающую природу.

Но «обрезание» этажности было непривычно масштабным. Чиновникам в Госстрое, куда за разрешением на строительство домов выше пяти этажей порой не один раз в месяц приходилось летать, показалась роскошной такая палитра этажности индивидуальных домов для Братска и постепенно были «зарезаны» семи- и шестнадцатизэтажки. Жёстко лимитировано и количество четырнадцатизэтажных домов. Всего их осталось шесть штук на два микрорайона...

Признаюсь, помимо шока образовался ещё и ребус. Принципиально, застройка утверждена, но что там оставалось после такой операции, что с целостностью решения? Как вписаться в согласованные показатели?

Попытка вырваться из уже сложившихся традиций типового проектирования, хотя бы откорректировать стандартность решения оказывалась почти тщетной.

Простим тех, кому мы мешали?

Братскгэсстрой

Период жизни, в который велось проектирование застройки центрального жилого района Братска – расцвет массового строительства жилья на основе типового домостроения. Особое место в стране занимала мощнейшая база стройиндустрии – «Братскгэсстрой», созданная в 1954 году, само название которой говорило о многом. В её структуру входило 40 разных организаций. Сфера её деятельности распространялась если не на всю страну, то, как минимум от её середины до Дальнего Востока и родиной её был Братск.

Здесь «пеклись» новые серийные блок-секции, в частности, 96, 97-я и 125. Городу априори предназначалось работать с ними, в частности с последними двумя.

К слову, 125 серия, специально созданная нашим и московским им. Якушева КБ для Братска и Усть-Илимска с очень удачной планировочной структурой (большая прихожая, комнаты почти квадратные, раздельный санузел, балкон и лоджия в квартире, мусоропровод, и в 5-этажках тоже). А за разработку

конвейерной линии по производству крупноразмерных многопустотных плит перекрытия разработчики получили Премию Совмина РСФСР.

С 1976 года они же разработали 135 серию, прошедшую испытания в условиях землетрясений в Кишинёве. Помню, где-то 79-80 гг., мы были в Иркутске на каком-то совещании и нас пригласили на испытания пожарными домами 135-й серии. Точно не помню адрес дома, но присутствовали В.П. Шматов, В.А. Павлов, В.Ф. Бухи, кажется, Н.Н. Беляков.

Кубик Рубика?

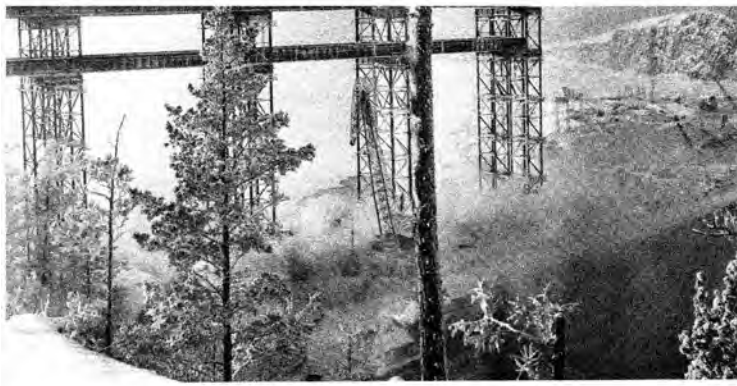
Блок-секция – это «кубик» с определённой этажностью и составом квартир, ориентацией и главное, техническими показателями. Выпускалось их несколько типов: рядовые, угловые левая и правая, две торцевые и со сквозным проездом. Они могли быть только девяти- или пятиэтажными. Самой оригинальной из всей этой номенклатуры была 125-я поворотная пятиэтажная, отдаленно напоминающая часть того самого полукольца.

К слову сказать, позже «поворотки» были сняты с производства как слишком металлоёмкие – экономичность превалировала во всём. И насколько мне известно, только в семнадцатом микрорайоне Братска эти блок-секции были построены. В Усть-Куте, в бамовском жилом районе, где я их также применила, их строительство так и не состоялось.

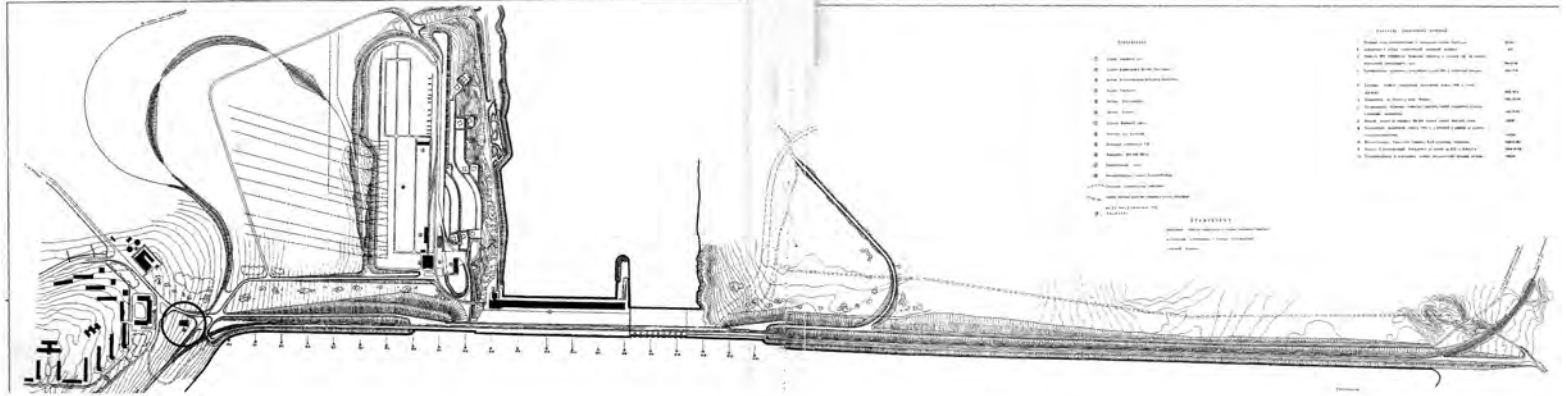
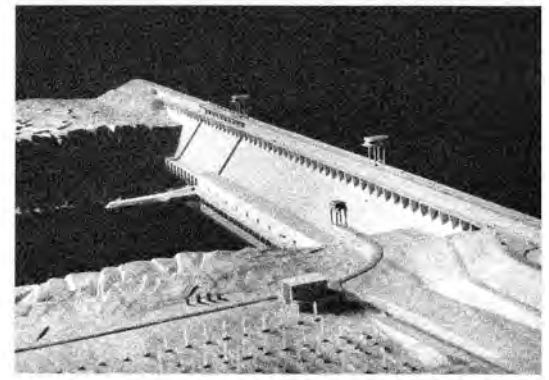
Так что Братск ещё раз подтвердил свой статус экспериментальной площадки на тот период. Может, это и служило поводом тому, что многие, как мы, молодые люди, ехавшие на пару лет поработать в удовольствие на Великую стройку, задерживались здесь так надолго.

Заниженная высота жилого этажа «типовушек» в 2,5 м исключала возможность размещения в их первых этажах объекты общественного назначения. Для большинства городов страны – не столичных и не миллионников, строительство отдельно стоящих объектов велось только по разрешению Госстроя.

Доходило до абсурда: например, один наш архитектор запроектировал одноэтажный магазин и соединил

Братский гидроузел на р.Ангара.
Строительство.
Братский Гидроузел. Макет. 1960 г.
Генплан Гидроузла.

его с домом одной только балкой, чтобы объект считался пристроенным, а не отдельно стоящим. Всё это резко ограничивало свободу проектирования авторам.

Диапазон согласований

Конечно, надо помнить, что проект должен был пройти через сито различного уровня Советов и согласований. У себя в институте, на городском совете, в Гипрогоре, затем на областном архитектурном Совете. Далее было рассмотрение в Госстрое, где утверждались все окончательные показатели по проектам (в т.ч. плотность застройки, процентное соотношение квартир с учётом демографии на данной территории, этажность домов и др.).

Особое внимание уделялось пожарным требованиям, проездам, разрывам между зданиями, инсоляции не только квартир, но и дворовых пространств, их проветриванию и одновременно, исключению излишней продуваемости площадок отдыха, ориентации и т. д.

Одним же из самых главных требований было не выйти за предел утверждённой сметы. Словом всё, что включает в себя суть – качественный по советским понятиям проект, где главенствует плюс ко всему сказанному фактор времени. Глобальной же государственной задачей было в ограниченные сроки создать в необжитом сибирском краю полноценный промышленный центр, а для его обслуживания, отбросив пафос, построить среднестатистический город. Это неизбежно вело к перекоосу – несогласованности во внимании к промышленным сооружениям и жилищно-гражданскому строительству. Впрочем, многое из сказанного происходит и сейчас.

... «Под солнцем Госстроя
Создали такое,
Что завтра придётся снести.
Строители строят,
А наш бронепоезд
Стоит на запасном пути»...
Песня ансамбля «Кохинор» шестидесятые годы
Проводы гостя.

Доволен директор, довольны мы. Всё прошло на ура! Мы с Рябовыми, окрылённые и проникшиеся сентиментальностью состояния автора-архитектора наряду с какими-то ещё делами, прощавшегося со своим детищем – знаменитой на весь мир Братской ГЭС Г.М. Орловым, помчались в аэропорт, загрузившись в новехонький люксовский жигуль-«шестёрку». Создана она была на базе Фиата, с корпусом ещё из итальянского металла. Что интересно, куплена машина была по талону. Усть-Кутским руководство вручило его ГИПу Лео Шитцу как поощрение за наши качественные проекты для БАМа.

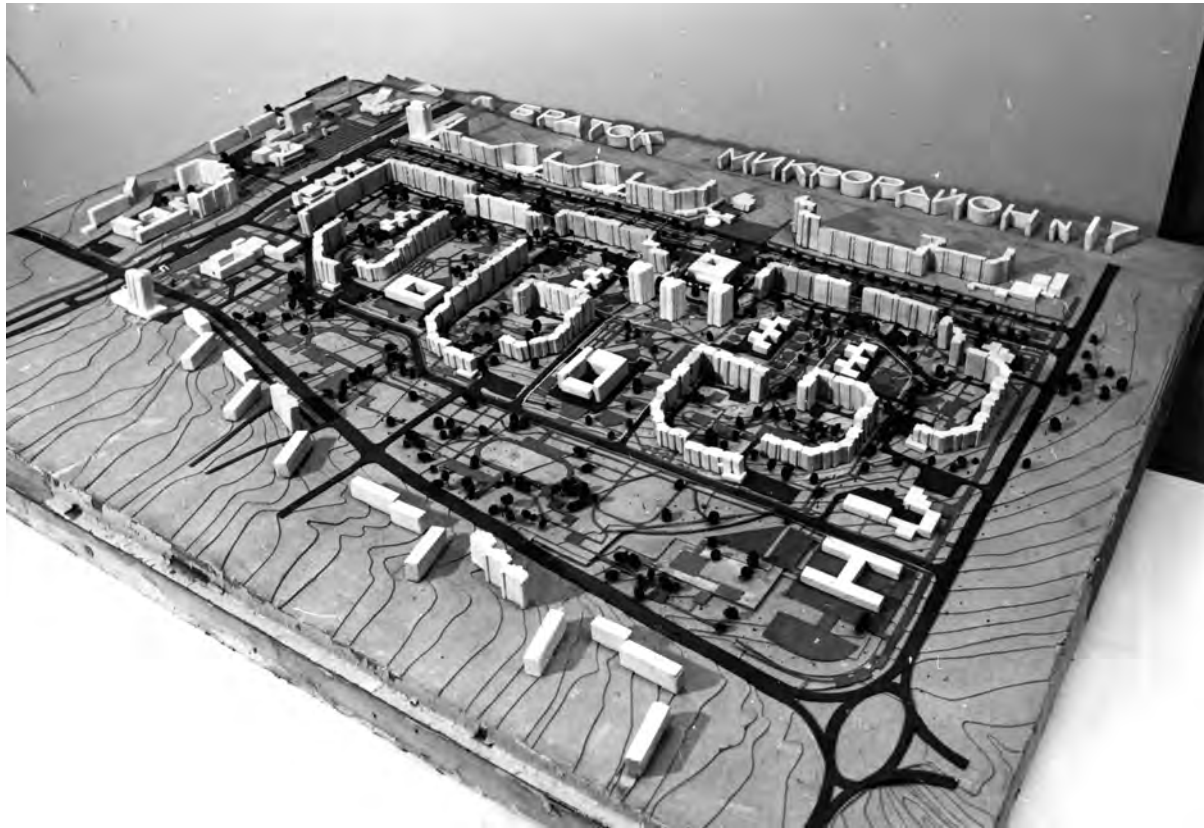
Припоминаю, как на одном из торжественных собраний в филиале Г.И. Ковалик с гордостью огласил список о представлении нескольких проектировщиков, среди которых были и мы с Лео, к награждению Бамовской медалью. Увы, медаль героев не наша, никого вообще из наших.

По дороге в лесу, благо он всюду, нарвали жарков – огненно-оранжевых сибирских цветов, похожих на розы и вручили их Г.М. прямо у трапа самолёта. Это надо было видеть! Он был настолько растроган, что на его глазах появились слёзы. Г.М. что-то произнёс, но это было неважно, мы сами попали в его состояние, чего никак не могли предположить, и слегка взгрустнули...

Спустя десятилетия в Москве, где мы находились на очередном собрании РААСН (Российской академии архитектуры и строительных наук) ко мне подошли очень приятной наружности молодые люди. Они – Орловы, дочь Наталья Георгиевна и внук Георгий, готовившие к выпуску книгу о своём именитом предке. Узнав, что я из Братска и о нашей встрече, они с интересом слушали мой короткий эмоциональный рассказ, восторженные воспоминания. Ими в 2004 г. мне от них на память была передана книга, изданная к 100-летию Г.М.О. и книга о его супруге – архитекторе, художнике, дизайнере Ирине Теодоровне Орловой-Купецко.

Как-то перед одним из юбилеев Братской ГЭС я попыталась напомнить её руководству об авторе-архитекторе и его потомках, мечтавших увидеть юбилейный

^ Братский гидроузел на реке Ангара, макет

объект воочию, но организаторы (Иркутскэнергоское руководство – Иркутяне) остались безучастны. Казалось, что люди, сменившееся поколение – не знают этого имени. А жаль.

Пространства и камни, формирующие людей.

Время создания Братской ГЭС было не простым и всё ж. Архитектурный ансамбль нашей ГЭС признано считается глубоко образным сооружением, мощно и эмоционально воздействующим на человека. Убеждаешься в этом сразу, попав туда, к её подножию, когда от ледяного дождя брызг, появляется радуга, а на выступающих скалах наверху сосны кажутся вековыми. Этот природный ландшафт, кем-то Высшим так талантливо созданный, просто завораживает.

Приходилось видеть и другие плотины, с безжизненным антуражем. Мне есть с чем сравнить. А здесь вот он, уникальный пример взаимопроникновения двух сторон творчества – техники и искусства. «...Люди, пропагандировавшие примат техники в архитектуре, не любили и не понимали искусства, а те, кто пропагандировал архитектуру только, как искусство, не любили и не понимали техники» – это А.Буров. А как вам такое: «Кохинор» – это единственный ансамбль, созданный в советской архитектуре», – тоже его реплика. Но в те годы он ещё не видел Братской ГЭС!

Кстати, мне довелось реконструировать входную группу в нижний бьеф плотины, помещение пульта управления, конференцзал, отдельные интерьеры и экстерьеры здания управления, нескольких других корпусов комплекса БГЭС.

P.S.Как-то я предложила одному из директоров начать работу по внесению БГЭС в реестр памятников советской архитектуры. Для этого требовалось, чтобы сооружение простояло в исходном виде и технических параметрах 50 лет, что и состоялось. Но отклика не получила – ведь ГЭС могла сразу стать вотчиной государства и любое вмешательство нужно было бы мучительно согласовывать.

Энергетикам эта идея пока не пришлась к душе...

Областной совет

Никогда и нигде (разве что однажды в РААСН, когда выдвигалась в член-корреспонденты) я так не волновалась, как на защитах проектов в области (с 1974 г.). Уверена, вы бы меня поняли, если бы увидели этих личностей, всех вместе за длинным столом. Своим колоритом картина напоминала мне знаменитое полотно (формулировалась в «Архитектурную Вечерю»).

Один ярче и достойнее другого. Имена! Шматков Виктор Петрович – главный архитектор Области, председатель Совета, Кербель Борис Михайлович, Павлов Владимир Азариевич, Бух Владимир Фёдорович, Антипин Люциан Фёдорович, Латышев Леонид Андреевич – основной костяк Совета. Каждый из них – неповторимый, заслуживающий исторического описания его творчества и общественной деятельности.

Эти люди, прошедшие особенные, яркие пути в творчестве и на административных постах (когда начальник был ответственен за всё, а не просто – хозяин), абсолютно разные и такие похожие в отношении к ценностям профессии. Слушать их всегда было необыкновенно интересно. Убеждалась неоднократно на их примерах – чем интеллигентней человек, тем меньше в его поведении демонстративного пафоса и амбиций.

Было логичным, что эти пархитекторы возглавляли профессиональный Союз.

Друзья, прекрасен наш Союз!

С 1976 г. наше общение было ещё и на почве моего вступления в члены СА СССР, в Иркутскую организацию, что и состоялось вначале следующего года. Возглавлял её в тот период Люциан Фёдорович Антипин.

В СА СССР с 1963 года и далее, почти два десятка лет, первым секретарём Правления был Георгий Михайлович Орлов. Помимо множества заслуг он был известен и тем, что под руководством В. Веснина с 1929 года участвовал в реализации плана ГОЭЛРО, был автором нескольких ГЭС, «венцом создания» которых, как когда-то сказал Ю.П. Гнедовский, стала Братская

ГЭС. Его считают «одним из создателей новаторских отечественных градостроительных теорий и идей 20-30 годов... реализованных на практике и вошедших в сокровищницу мировой архитектуры».

Люциан Фёдорович Антипин

Доскональный и внимательный Люциан Фёдорович методично объяснял мне, что требуется для вступления в союз, неоднократно созванивался, сам держал ситуацию под контролем. Мало кто сейчас поступает с такой же самоотдачей. Он посвящал во все нюансы процедуры оформления материалов, которые были не так просты, как сейчас, в век всеобщей компьютерной грамотности. Каждому кандидату необходимо было предоставить фото со своих объектов, заверенные печатями и подписями, подтверждающими степень авторства. А добыть эти фото из тех мест, откуда все мы давно уехали, было не просто.

С его принципиальностью я столкнулась на Совете, он мог иметь своё категорическое, отличное от других мнение, что само по себе достойно уважения. Л.Ф. и сейчас в курсе всех ключевых событий в архитектурной жизни Иркутска.

Нас одновременно вступающих было двое: Коля Беляков (позже – Николай Николаевич, известный иркутский архитектор, спустя какое-то время работавший главным архитектором Иркутска) и я. Мы испытывали (по крайней мере, я точно), волнение и трепет перед Союзом. Тогда принадлежность к нему была более значимой и почётной. Все носили значок и старались подчеркнуть свою причастность к Союзу. Не думаю, что это по причине только молодости, скорее по причине профессионального статуса.

Не забуду эпизод вступления. Опытные люди соригенировали о неформальных традициях и я прихватила коробку конфет, армянский коньяк, лимончики, маслины и что-то ещё не помню. Николай тоже что-то. А происходило это всё в потрясающем своей обстановкой и архитектурой особняке в центре города, на первом этаже которого размещалась областная архитектура, а вот в подвальчике – союз!

В глаза сразу бросились огромные кожаные диваны и кресла, в которых можно было утонуть, на низких журнальных столиках какие-то яства, напитки. Не ускользнули от моего взгляда роскошные серебряные блюда. Откуда-то звучала проникновенная музыка.

Во всём этом великолепии перемещались фантастические персоны, все молодые, улыбающиеся, бесконечно остроумные, незаурядные личности, притом архитекторы! Особое внимание привлекла чуть опоздавшая непередаваемо красивая чета статных и таких ещё молодых Владимира Азариевича и его модельной внешности супруги. Гены! Природа!?

Обо всех этих людях можно было смело сказать – бомонд. И именно они решали или в достаточной степени влияли на ключевые вопросы по развитию территорий в один из самых не простых периодов массового формирования городов Сибири. На необъятных просторах малоосвоенных земель без права на ошибку в невероятно короткие сроки принять единственно правильное решение о системе размещения градообразующих объектов и населённых пунктов – задача не из простых. Брали на себя ответственность, когда всё остальное, более приятное, брали на себя другие.

Виктор Петрович Шматков и Владимир Фёдорович Бух

Скованность прошла, когда внимание всех привлёк тост Виктора Петровича Шматкова – нашего по-настоящему главного архитектора области, знающего, казалось, каждый её уголок. Можно бесконечно долго описывать его деятельность, как нам полезно и необходимо было то мощное объединение архитектурного потенциала, которое он нам обеспечивал. Командировки, совещания, советы, встречи.

И всё же, особенно потрясала любовь и глубина знания этих мест...

Высокие гости

Однажды (наверное, лет 30 назад) они с Владимиром Фёдоровичем были у нас дома, тогда ещё в совсем новой квартире. Я крутилась на кухне и, как хозяйка жутко комплексовала перед такими гостями. Мужчины втроём с балкона разглядывали прекрасную панораму и новёхонький микрорайон с длинными секционными домами, выкрашенными в насыщенные цвета: сурик, глубокий ультрамарин... Увлечённо обсуждая застройку, они переходили с одной стороны квартиры на другую, обсуждая приёмы застройки, пока я не пригласила к столу.

Всё о чём говорилось за трапезой, было самым ценным. В.Ф. говорил, как всегда, мало и сдержанно, а В.П. рассказывал об уникальной природе, предлагал какие-то вылазки в экзотические неизведанные места. Но я, ссылаясь на ещё маленькую дочь отказывалась. Он не мог этого понять и говорил, что детей надо воспитывать по спартански, рассказывал о своих четверых очень самостоятельных детях. Это было моё первое знакомство с В.П. как с человеком, а не с начальником.

Постепенно заговорили о БАМе, о томичах (они проектировали тоннель в Усть-Куте), о застройке вдоль трассы на севере области, о планировочных проблемах в зоне БАМа. В.П. знал все тонкости и помнил все улицы, посёлочки с непривычными названиями.

И опять я понимала, что многие вопросы в нашем деле решаются именно в такой, непринуждённой обстановке.

...А потом заговорил Владимир Фёдорович. Улыбаясь, с азартом, ему свойственным, вовлекая всех в своё праздничное настроение, стал пояснять, что такое расколотка, сохатина и как делается строганина. Всё это мастерски демонстрировал, присыпая перчиком и солью, обращая внимание на уникальную по своей ценности бруснику, до селе мне не знакомую ягоду.

По большей степени его ненавязчивый, но незабываемый рассказ, как показалось мне, предназначался для моих ушей, ведь остальные – все свои. Бывалые. Я слушала, открыв рот, впитывая каждое слово, старалась запомнить хоть что-то из услышанного.

Казалось, что В.Ф. с некоторой иронией слегка подшучивая, боковым зрением наблюдает за моей реакцией, за мной, открывающей эти интригующие места Прибайкалья, совершенно далёкой от всего происходящего, эдакой, заезжей горожанкой-интеллигенткой.

Это уже позже много раз я видела его совсем другим, внимательно и напряжённо вслушивающегося в слова собеседника, словно пытающегося представить себе его позицию, расшифровать его мысль. Потом безоговорочно точно резюмирующего итог и поражающего своей логикой вывода.

Некоторая часть моей жизни была и проходит сейчас в ареале влияния В.Ф., о чём он вряд ли догадывается. Происходит ли это в редких эпизодах общения в делах творческих, общественных, дружеских или было в период работы и непосредственного подчинения в филиале ИГП. Понятие «подчинение» относительное, т.к. никогда не ощущала никакого давления. Хочется просто слушать, анализировать. Учусь (хоть и поздновато) по сей день. В.Ф. всегда интересен нестандартностью позиции. Вектор его мыслей особенный, провоцирует незаурядность решений, как будто протестует против откровенно ожидаемого. «Учиться и размышлять». Конфуций.

Рио-де-Жанейро.

Может быть, уместно вспомнить один эпизод из того времени, когда жизнь в проектом деле бурно кипела, программы по развитию городов и населённых пунктов расписывались на годы вперёд и отражались ещё только в проектных материалах. Приблизился БАМ.

Помню, как-то (в бытность главным архитектором института ИГП и, соответственно, нашего Братского филиала) к нам в отдел генплана вошёл В.Ф. Он сделал это так, как будто не было сотен километров между нашими городами. Направился прямо к большому планшету, закреплённому на кульмане. Я было приблизилась, чтобы что-то сказать о проекте, где опять применила пресловутые поворотные блок-секции и о подаче, её пришлось сделать пастелью, т.к. в городе не было акварели (речь идёт о проекте Центрального жилого района в Усть-Куте, где под жилым массивом проходил бамовский тоннель – головная боль не из лёгких). В.Ф. взглядом остановил меня, давая понять, что ему и так всё ясно. Мы всем отделом молча ждали вердикта. Стоя у кульмана, как всегда, руки за спину он внимательно вглядывался в работу. Потом повернулся и, обратившись, словно к кому-то невидимому произнёс: «Не вижу здесь никакого Рио-де-Жанейро». Много лет хотела спросить его, что имелось в виду, но пришлось самой что-то домысливать, так как не сделала этого до сих пор...

Да, а расколотку он и сейчас делает лучше других! Неизгладимые впечатления прекрасного периода моей жизни!

P.S. Могла ли я себе представить, что пройдёт пару месяцев и, вместо материалов о В.Ф., в журнал придётся писать некролог. Нет, я не стану править тексты на прошедшее время...

Для большинства из нас он был непререкаемым Авторитетом, Мериллом в профессии, не терпящим банальностей ни в чём. Думаю, Владимир Фёдорович не замечал, как своей позицией, словами, действиями определял и наше отношение к архитектуре, её ценностям. Шутя, улыбаясь, произносил реплику, которая могла помочь решить любую задачу, а мог и наоборот – заставить посмотреть на проблему с другого ракурса, не каждому сразу понятному. Он заставлял думать, формулировать, видеть ни цвет, а весь спектр.

Кто теперь будет этой силой, сдерживающей разгул «любительщины» в архитектуре в наше время?

«...Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать...» С.Есенин.

Он всегда был рядом, среди нас, но не одним из нас – всегда выше, а теперь ещё выше...

Кербель Борис Михайлович

Следующим проектом довелось разрабатывать генплан г. Бирюсинска – того, про который песня Пахмутовой. При одном только упоминании всплывают живописные картины, увиденные с «кукурузника». Правда, из-за

болтанки, я воспринимала их сквозь некоторую пелену, а четырехлетняя Инка, чем нас растрогала, старалась меня поддержать. Её не с кем было оставить дома и мы с мужем, он был ГИПом по этому объекту, взяли её с собой. Помню этот «лайнер» вообще без дверей и жуткую духоту.

Нас впечатляло всё. Город, в основном из одноэтажных домов, разных периодов строительства. Центр – его таковым назвать можно было с натяжкой, – несколько рассредоточенных по территории зданий, немного отличающихся габаритами от жилых домов. Но, что удивляло – почти все они из дерева с абсолютно разным декором. Встречались редкие уникальные примеры резьбы на фронтонах, наличниках, ставнях.

Особенно удивило огромное разнообразие деревянных колодцев, где не было ни одного повторяющегося. Пусть, если даже особой ценности в этих примерах не было, я всё же, сразу решила, что предусмотрю экспозицию под открытым небом, куда надо будет свезти все эти образцы народного творчества, понятно, до того, как город «насытится» инженерной инфраструктурой.

Это было моё первое приближение к деревянному зодчеству.

В конце 70-х в период создания «Ангарской деревни» в Братске мне выпало удовольствие коротко пообщаться с известным, замечательным учёным, архитектором, посвятившим себя делу возрождения памятников русского деревянного зодчества Ополонниковым Александром Викторовичем. К тому времени он уже был известен, как многогранная личность, как блестящий фотограф, чертёжник, живописец, охотник. О нём говорили, как о национальном достоянии страны.

Вместе с известным Братским этнографом-энтузиастом О.М. Леоновым они провели обследования селений нашего края перед затоплением при строительстве ГЭС, реконструировали крепостную башню в Братске, «Ангарскую Деревню». Помню пронумерованные брёвна «добытых» ими в экспедициях строений для музея.

В 2004 году с друзьями-коллегам побывала в Москве в гостях у дочери А.В. – Елены Александровны, не менее известной в архитектурной и научной среде единомышленице и соавторе трудов отца. Мы говорили о Братске, об «Ангарской деревне», с которыми она была знакома не понаслышке. Напоследок, Е.А. подарила мне новую книгу об А.В.О, изданную совместно с САР со своей дарственной надписью. Храню её рядом с книгами О.А.В.

Специфика города заключалась прежде всего в чудной природе, а в противовес этому – функционирование в непосредственной близости от жилого сектора единственного градообразующего предприятия – гидролизного завода. Это производство имело отпечаток (ярко выраженный) на образе жизни горожан и даже на её продолжительности, сами понимаете...

Не могу забыть, какое впечатление получила наша дочь от поездки. Жили мы в гостинице – барак в несколько комнат. До здания администрации путь вёл по узким улочкам, а где-то, даже по скотопрогонам. Мы специально шли этой дорогой, чтобы показать городскому ребёнку всякую сельскую живность.

Цыплята вызвали у неё ожидаемое умиление, она захлопала и дальше не хотела идти. Но надо было видеть этот ужас в глазах, когда к забору подошла коза и уставилась на ребёнка. Мы почти волокли её, когда картина повторилась и над нами зависла голова коровы. Инка остолбенела и не могла двигаться, я применила всё своё красноречие, чтобы убедить её, какие же это чудесные и безобидные создания. На следую-

^ Панорама застройки со стороны водохранилища. Фото с макета. А.Я.Ковалёв. Ангарский каскад

ший день её пришлось оставить с одним командированным на завод очень пожилым инженером, с которым любопытно общались по вечерам.

Похоже, он был из бывших ссыльных. Как-то сказал мне слова, которые запомнила навсегда: «Вот вы всё время говорите – мы сделаем, мы запроектируем, мы хотим... почему вы не говорите всё тоже, но только – Я?» Я первый раз об этом задумалась – отпечаток советского времени, всё общее, всё вместе или специфика профессии? Мы все пустились в полемику.

Работой была очень увлечена. Сложность заключалась в сокрытии руководством завода истинных данных по вредным выбросам, нужных для определения зон ограничения до селитьбы. Мы буквально выкрали некоторые показатели (спасибо инженеру). Наконец генплан представлен для предварительного рассмотрения на Совет. Я стояла в пологорота к членам Совета, лицом к планшетами, рядами развешенным на стене и молчала. Вдруг я поняла всю бессмысленность моих речей перед теми, кто знал наизусть все эти места и проблемы. Но главное, глянув со стороны, мне показалось, что за этими большими мазками акварели, отображающими жилые массивы, ничего не видно в тех ощущениях, какие переживала я. Бездушные цветные пятна не могут передать ни состояния, ни эмоций. Можно сколько угодно расписывать, что там будет всё замечательно, и люди будут довольны и т. д.

Что-то меня всё же вывело из ступора и начался диалог. Я стала излагать свою позицию, осмелилась что-то отстаивать. Рассмотрение закончилось, были предложены какие-то доработки (деталей не помню).

Когда мы уже собирали материалы, ко мне вдруг подошёл Борис Михайлович Кербель, наш почитаемый представитель архитектурного истеблишмента, уникальный, седовласый, как всегда, в костюме-тройке с белоснежным воротничком и бабочкой. Один только внешний вид притягивал и говорил о нём очень многое. Он произнёс: «Деточка моя, вы что, расстроены? Зря, генпланы дело простое, без замечаний не сделаешь. Вот если бы вы уже сделали их несколько штук, вы бы меня поняли».

Наивная, я повернулась к нему и стала перечислять планировочные работы (некоторые из них сделаны были в Караганде), чтобы доказать, что я уже девушка с опытом. Оказалось, он очень хорошо знал моих прежних руководителей – не менее, кстати, известных и харизматичных архитекторов того времени. Это был СССР и такие личности находились в поле зрения друг друга (Меликов Э.Г., Мордвинцев С. И.).

А когда на вопрос, где я училась он услышал про Алма-Ату, про моих преподавателей Ухоботова Л.Л., Ратушного Ю.Г. (известных молодых питерцев, взявших под своё крыло специальность «Архитектура» в политехе) и, что практиковали мы в Казгоре у Рипинского Н.И., (помню все называли его «Дед»), фактурной личности той же формации, что и Кербель. Б.М. сразу как-то внимательнее посмотрел на меня.

В этот момент, возможно, он думал о друзьях-коллегам или анализировал мой возраст, который, случалось, меня подводил? Ещё некоторое время мы с Б.М. вспоминали какие-то эпизоды и разошлись под впечатлением от них.

Чудесные 70-е годы возвышенных планов и надежд.

Следующим был генплан Качуга, с неизгладимыми впечатлениями от увиденных в тех местах Шишкинских писаниц-петроглифов. Берут они начало от позднего неолита до 19 века и изображены на скалах, тянущихся вдоль р. Лены. Известно, что их более 3 тысяч!

Дальше – генплан Мамы с редким, незнакомым мне до того производством слюды (с 52 градусным морозом, забываемыми вылазками на природу по Витиму – Угрюм-реке, с картинами первозданной тайги и уютными в ней посёлочками, с приготовлением на костре свежевывловленных огромных тайменей, фантастически вкусной белой рыбы,).

Литература:

Очерки по истории Союза архитекторов России. Москва. САР. 2004 г.

^ Семья 1976 г. 1 мая